

УДК 572

А.В. Зубова

**ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
(САРГАТСКАЯ И КУЛАЙСКАЯ КУЛЬТУРЫ)**

Рассматриваются особенности одонтологических типов, свойственных саргатскому и кулайскому населению Западной Сибири раннего железного века. Кулайское население признается генетически связанным с таежным населением; в составе саргатского выделяется комплекс признаков, свойственный индоиранскому населению. Ключевые слова: одонтологические исследования, население Западной Сибири, железный век.

Проблема генезиса угорских и самодийских групп, населяющих Западную Сибирь и соответствующей атрибуции древних культур, выделенных археологами, является одной из наиболее сложных и интересных. С одной стороны, истоки происхождения хантов, манси, кетов, селькупов и пр. в общих чертах прослеживаются с эпох позднего палеолита и мезолита [1. С. 18–22, 70], с другой – мнения о месте конкретных культурных образований в общей линии культуругенеза представляются крайне противоречивыми. Даже в эпоху раннего железного века и раннего Средневековья, когда уже формируются традиции, находящие прямые аналогии в культуре обских угров и самодийцев, этническая принадлежность кулайских, саргатских, релкинских, потчевашских и др. памятников является предметом оживленных дискуссий. В археологической литературе широкое распространение получила гипотеза прамадьярской принадлежности саргатской культуры [2–7]. В противовес ей были выдвинуты идеи о полиэтничности саргатской общности [8–10] и об ее иранской принадлежности [11. С. 12]. Что касается кулайской культуры, то часть исследователей считает ее самодийской [1. С. 73]; часть – угорской [11].

Привлечение антропологических данных к решению данной проблемы осуществляется достаточно широко. Проблема в том, что в хронологическом плане формирование современного антропологического состава обских угров и самодийцев было достаточно длительным и включало в себя результаты многочисленных миграций населения, происходивших часто в однородной антропологической среде. Краниометрические материалы, на которых на настоящий момент базируется большинство исследований, в такой ситуации не могут дать окончательного ответа на вопросы о причинах сходства и различия древних и современных групп.

В такой ситуации необходимо изучение древнего населения по нескольким системам антропологических признаков. Это повышает востребованность одонтологических показателей для решения этногенетических вопросов на территории Западной Сибири. В данной работе рассматриваются одонтологические особенности носителей двух археологических культур эпохи раннего железного века – кулайской и саргатской. Кулайская культура

локализуется в Томско-Нарымском и Новосибирском Приобье, датируется VI в. до н.э. – V в. н.э. [12. С. 38]. По мнению археологов, она является результатом развития автохтонных таежных традиций [12. С. 37]. Саргатская культура на территории Барабинской лесостепи датируется периодом с VII в. до н.э. по I в. н.э. [13. С. 91–95]. Предполагается ее формирование на основе местных племен, при участии мигрантного населения, в генетическом плане связываемого с ранними кочевниками Поволжья и Приуралья, а также с сакскими популяциями Приаралья [14. С. 188]. Изучаемые культуры относятся к таежному и степному культурным типам, взаимодействие которых на территории лесостепного Приобья и Барабинской лесостепи во многом обусловило своеобразие материальной и духовной культуры местного населения, фиксируемое археологами.

Краниологические особенности кулайского и саргатского населения наиболее полно были изучены А.Н. Багашевым [14], который проанализировал динамику краниометрических характеристик населения Западной Сибири от эпохи бронзы к раннему железному веку, очертив основные направления генетических связей. Одонтологические данные ранее привлекались только для изучения антропологического состава кулайской культуры. Г.А. Аксяновой были проанализированы характеристики зубной системы погребенных в могильнике Алдыган в Томско-Нарымском Приобье [15], которые, несмотря на малую численность и плохую сохранность, позволили ей сделать вывод о возможности включения Западной Сибири в круг распространения грацильных одонтологических типов. Кроме того, в составе одонтологического комплекса, свойственного кулайцам Алдыгана, были выделены древние признаки, свойственные северным группам (лопатообразный верхний резец, коленчатая складка метаконида). Это позволило Г.А. Аксяновой считать кулайцев древними предками угро-самодийского населения Среднего Приобья.

Материалом для настоящей работы послужили антропологические коллекции, полученные при раскопках шести памятников. В их число входят могильники Абрамово-4, Гришкина заимка, Марково-1, Старые Карачи-3, Здвинск-4, находящиеся в Барабинской лесостепи и содержащие саргатские погребения; а также могильник Каменный Мыс, относящийся к новосибирскому локальному варианту кулайской культуры. Материалы саргатской культуры были объединены в одну серию; вторую составили публикуемые впервые данные из Каменного Мыса, объединенные с материалами Г.А. Аксяновой из Алдыгана. Они были изучены по стандартной одонтологической методике [16–18], с привлечением метода иерархического кластерного анализа для сопоставления с другими группами населения эпохи бронзы и раннего железного века Западной Сибири и сопредельных территорий.

Одонтологическая характеристика носителей саргатской культуры. Серия насчитывает 15 мужских, 16 женских и 8 детских черепов. Два черепа принадлежали индивидам, пол которых определить оказалось затруднительно. Случаев редукции латеральных резцов не отмечено. Лопатообразная форма верхних медиальных резцов встречается у 40% индивидов, латеральных – у 30,8%. Верхние первые моляры редуцированы слабо, у двух индивидов отмечается начальная стадия редукции гипоконуса (4-), у одного отмечена

форма 3+. Сильно редуцированные формы вторых моляров (3, 3+) встречены в 42,9% случаев. Бугорок Карабелли встречается редко (9,4%), так же как и дистальные маргинальные бугорки на первых молярах (6,3%).

На нижней челюсти первые премоляры преобладают слабо дифференцированные, вторые – сложные, более 60% форм – 4-,5-бугорковые. Шестибугорковые формы первых моляров не встречены, частота 4-бугорковых – 18,5%. Узор борозд жевательной поверхности первых моляров у 3,7% – «Х», у 11,1% – «+», у большинства индивидов – «У». Вторые нижние моляры по большей части 4-бугорковые, во всей выборке встречено только по одному индивиду с 5- и 3-бугорковыми вторыми молярами. Форма узора жевательной поверхности данных зубов в 62,5% случаев – «У», в 50% – «+», у 12,5% – «Х». У некоторых индивидов отмечается асимметрия по данному показателю. Случаев наличия на первых молярах протостилида в серии не отмечено, но у 7 человек (29,17%) встречены крупные ямки на вестибулярной поверхности первых моляров. Достаточно часто в структуре первых моляров отмечается *tam1* (18,5%). В 4,2% случаев он присутствовал также и на вторых молярах. Дистальный гребень тригониды встречается у 18,5% индивидов, коленчатая складка метакониды отсутствует.

Между мужской и женской частями серии наблюдаются некоторые различия. Среди женщин значительно чаще отмечаются лопатообразные формы лингвальной поверхности медиальных резцов (баллы 2+3, 60 и 20% соответственно), при полном отсутствии гладких форм (балл 0). В мужской группе реже встречаются формы с сильной лопатообразностью, около 40% составляют индивиды с полным отсутствием краевых гребней на медиальных резцах, и у 33,3% встречена лопатообразность латеральных резцов, отсутствующая у женщин. В женской группе дальше зашла редукция первых верхних моляров, и только у женщин встречаются бугорки Карабелли (22,2%). Они обладают более дифференцированными вторыми нижними премолярами, среди которых не встречаются простые формы, и большей частотой встречаемости «+» узора на первых и вторых нижних молярах. Именно в женской группе отмечена форма 3У второго нижнего моляра, с более высокой частотой встречается *tam1* и реже – дистальный гребень тригониды, хотя разница в численности индивидов, у которых встречены два последних признака, между мужчинами и женщинами всего один человек, что вполне может объясняться особенностями формирования выборки.

Одонтологическая характеристика носителей кулайской культуры. Сохранность кулайских материалов очень плохая, поскольку эмаль зубов у погребенных в могильнике Каменный Мыс оказалась очень хрупкой. Для изучения оказалось пригодно только 6 женских и 22 мужских черепа, на многих из которых удалось выявить лишь незначительное количество одонтологических признаков.

Полученные данные о строении верхних и нижних резцов крайне нерепрезентативны. На всю группу было встречено только 5 верхних медиальных резцов, принадлежащих четырем индивидам, и 3 латеральных, принадлежащих двоим индивидам. Все медиальные резцы обладали слабо выраженными краевыми гребнями (балл 1). На латеральном резце, обнаруженном

в погребении № 2 кургана № 13 краевые гребни отсутствовали полностью, в погребении № 2 (1) кургана № 14 были выражены очень слабо. Первые моляры в серии практически не редуцированы, у 15,4% индивидов отмечено незначительное уменьшение гипоконуса. Значительная его редукция на втором моляре (формы 3,3+) отмечается в 35,3% случаев. Бугорок Карабелли встречен только у одного индивида (9,1%).

На нижней челюсти в классе премоляров повышен, по сравнению с саргатской серией, процент переходных форм 3 (28,6% первых премоляров и 38,9% вторых). 6-бугорковые моляры встречаются значительно реже 4-бугорковых (5,6% и 38,9% соответственно). Узор жевательной поверхности первых моляров чаще всего «У». «+»-формы встречены в 16,7%, «Х» – в 5,6% случаев. Вторые моляры у кулайцев по большей части 4-бугорковые, 5-бугорковые формы встречены в 9,5% случаев, 3-бугорковые отсутствуют. Формы узора на них преобладают «+» (52,4%) и «Х» (33,3%). В 16,7% случаев на первом моляре встречен дистальный гребень тригониды.

Большинство отличий одонтологических характеристик населения, оставившего могильник Каменный Мыс, от данных, полученных Г.А. Аксяновой при изучении кулайских погребений могильника Алдыган в Томско-Нарымском Приобье, на наш взгляд, не имеют принципиального характера и связаны с недостаточной репрезентативностью данных по некоторым показателям. Исключение составляют наличие в одонтологическом комплексе погребенных из Алдыгана коленчатой складки метакониды, отсутствующей у погребенных в могильнике Каменный Мыс, и отсутствие дистального гребня тригониды. Коленчатая складка метакониды встречается в эпоху бронзы на территории Западной Сибири достаточно редко. Она была встречена у андроновско-ирменского населения, оставившего захоронения в могильнике Преображенка-3 в Барабинской лесостепи, а также у одного из двух носителей самусьской культуры, погребенных в могильнике Крохалева 7а. Данные погребенные проявляют сходство по размерным характеристикам зубов с серией из Преображенки-3. Возможно, что появление коленчатой складки метакониды в составе одонтологического комплекса кулайцев Алдыгана также связано с опосредованным участием в ее сложении самусьского компонента. К сожалению, в силу малой численности известных самусьских погребений репрезентативных данных о частоте встречаемости у самусьцев других одонтологических показателей нет. Это не позволяет говорить с уверенностью о сходстве их одонтологических характеристик с кулайцами. Отсутствие коленчатой складки метакониды у кулайцев Каменного Мыса может объясняться целым рядом причин. Одна из них – это экзогамность проникнувших на территорию Новосибирского Приобья групп, вынуждавшая их вступать в брачные контакты с местным населением [19. С. 46]. Соответственно, морфологические характеристики кулайцев здесь могли быть трансформированы воздействием более южного населения, в одонтологическом типе которого отсутствовала коленчатая складка метакониды, но встречался дистальный гребень тригониды.

Объединение данных из могильников Алдыган и Каменный Мыс в суммарную серию кулайской культуры позволило увеличить степень репрезен-

тативности общей выборки и сопоставить ее с носителями саргатской культуры и населением Западной Сибири эпохи бронзы. В целом, на наш взгляд, одонтологический тип кулайского населения относится к «западному» одонтологическому стволу [16. С. 183]. Об этом свидетельствует низкая частота лопатообразных форм верхних резцов, высокий процент вторых нижних премоляров с непрерывным гребнем, соединяющим лингвальный и вестибулярный бугорки, высокая частота встречаемости 4-бугорковых первых нижних моляров и их «Х»-форм. Присутствие здесь таких «восточных» признаков, как 6-й бугорок, коленчатая складка метаконида и дистальный гребень тригонида, отмечается в пределах, допустимых в европеоидных группах. По большинству характеристик, о встречаемости которых имеются достоверные данные, за исключением процента 6-бугорковых первых моляров, кулайцы близки андроновскому населению Барабинской лесостепи. 6-й бугорок в эпоху развитой и поздней бронзы встречался среди андроновского и еловского населения Томского Приобья, так что присутствие его в кулайской серии также вполне объяснимо.

Саргатское население по одонтоскопическому комплексу очень близко ирменскому населению Кузнецкой котловины, оставившему захоронения в могильниках Танай-2, 7; Заречное-1, Ваганово-2, Журавлево-4. Отличительной чертой этих серий является осязаемое присутствие комплекса признаков, связанных с более южными территориями, в частности – *tam1*, дистального гребня тригонида, ЗУМ2. *Tam1* на территории Приобья и Барабы локализуется достаточно четко, встречаясь, помимо перечисленных групп, у кротовцев и у населения переходного от бронзы к железу периода, в частности в могильниках Чича-1 и Гришкина заимка, в Барабинской лесостепи. Частота его встречаемости различна в хронологических кротовских группах. Максимальной частоты (5,95%) она достигает во второй группе развитого кротова, в которой отсутствуют курганные захоронения (неопубликованные данные Т.А. Чикишевой). В объединенной серии ирменской культуры Кузнецкой котловины частота *tam1* 6,06%, в переходное от бронзы к железу время она резко возрастает: 28,6% в серии «культуры эпохи поздней бронзы» (Гришкина заимка, Гондичевский совхоз, Преображенка-3); в некрополе переходного периода Чича-1 этот бугорок отмечен у двух из пяти погребенных, т.е. с частотой 40%. В саргатское время частота данного признака несколько понижается, что может вызываться разными причинами, в числе которых особенности репрезентативности материала и смена доминирующего компонента в составе населения Барабы. В пользу второй гипотезы свидетельствует тот факт, что в могильнике Гришкина заимка, где к эпохе поздней бронзы относятся захоронения двоих взрослых мужчин, одной девушки-подростка 12–14 лет и четверых детей, *tam1* встречен у мужчины на третьих молярах и у всех четверых детей на первых постоянных молярах. У носителей саргатской культуры, погребенных в этом же могильнике, *tam1* встречен только у одного погребенного из восьми (4 мужчины, 4 женщины, 2 ребенка). *Tam1* контролируется одним доминантным геном с высокой пенетрантностью [18. С. 93], так что уменьшение частоты его встречаемости может говорить о повышении удельного веса в составе группы компонента иного происхождения.

Сочетание высоких частот *tam1* с осязательным процентом дистального гребня тригонида и высокой частотой 4-бугорковых нижних первых и вторых моляров позволяет предположить участие в складывании одонтологического комплекса ирменцев Кузнецкой котловины и саргатцев – носителей древнего варианта южного грацильного одонтологического типа. В настоящее время он свойствен группам населения Индии, Азербайджана, Кавказа, болгарам Фракийской области и локальным среднеазиатским популяциям [18. С. 165]. Помимо перечисленных признаков, данный тип характеризуется редуцированными латеральными резцами и пониженными частотами бугорка Карабелли. В серии ирменской культуры Кузнецкой котловины процент редукции латеральных резцов 8,3% у мужчин (балл 2), 8,3% – балл 1. В суммарной серии – 3,8% и 3,8% соответственно. В серии культуры эпохи поздней бронзы переходного периода – 25% (один из двух взрослых индивидов, погребенных в могильнике Гришкина заимка). Для саргатской серии случаев редукции пока не отмечено. Бугорок Карабелли у саргатцев, как уже отмечалось, отсутствует, а у ирменцев Кузнецкой котловины встречается достаточно редко (16,7%)

Дополнительным свидетельством участия южных компонентов в сложении саргатской культуры являются размерные характеристики моляров, которые сближают саргатскую группу с населением Гонура 2100–1500 гг. до н.э. [20] и энеолитическим населением Индии из Инамгаона (1700–700 до н.э.) [21. Р. 146]. От сарматского населения, сходство с которым улавливается А.Н. Багашевым по краниометрическим данным, саргатцы отличаются как по измерительным, так и по описательным показателям зубной системы [22]. В целом, присоединяясь к мнению Г.А. Аксяновой о том, что в эпоху раннего железного века территория Барабинской лесостепи и Верхнего Приобья была зоной распространения грацильных одонтологических типов, нужно отметить, что здесь встречались группы как с северной комбинацией признаков, так и с южной. Одонтологический тип кулайцев представляется тесно генетически связанным с автохтонным таежным населением. Сочетание одонтологических признаков, свойственное саргатцам, окончательно оформляется на изучаемой территории в эпоху поздней бронзы, и истоки его формирования, на наш взгляд, связаны с южным индоиранским населением.

Литература

1. *Народы Западной Сибири*: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М.: Наука, 2005.
2. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 65–78.
3. Сальников К.В. Состав населения лесостепного Зауралья в сарматское время // СЭ. 1966. № 5. С. 118–124.
4. Могильников В.А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 66–86.
5. Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху раннего железного века // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 21. С. 175–185.
6. Корякова Л.Н. Роль географического фактора в сложении саргатской культуры // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.

7. *Корякова Л.Н.* Заметки к вопросу об угорском этногенезе в свете взаимодействия археологических культур Зауралья и Западной Сибири // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск: Магнитогорский пед. ин-т, 1994. Вып. 1. С. 6–15.
8. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964. 397 с.
9. *Матющенко В.И.* Об отношении саргатского населения к так называемому «скифо-сибирскому культурно-историческому единству» // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск: Омск. ун-т, 1991. С. 14–16.
10. *Матвеева Н.П.* Об иранском компоненте в саргатской культуре // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. докл. конф. Новосибирск: ИИФиФ СО РАН, 1995. Т. 2: Археология, Этнография. С. 30–32.
11. *Молодин В.И.* Этногенез // История и культура хантов. Томск, 1995. С. 12.
12. *Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И.* Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. Т. 1. С. 38
13. *Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. С. 91–95.
14. *Багашев А.Н.* Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. С. 188.
15. *Аксянова Г.А., Боброва А.И., Яковлев Я.А.* Могильник Алдыган – некрополь раннего железного века кулайской культуры // Вестник антропологии. М., 2004. Вып. 11. С. 54–75.
16. *Зубов А.А.* Одونتология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968.
17. *Зубов А.А.* Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: Этно-онлайн, 2006.
18. *Зубов А.А., Халдеева Н.И.* Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993.
19. *Троицкая Т.Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979.
20. *Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Суворова Н.А.* Одонтологическая характеристика древнего населения Туркменистана (по материалам могильника эпохи бронзы Гонур-депе) // Наука о человеке и обществе: Итоги, проблемы, перспективы. М., 2003. С. 130–140.
21. *Keieser J.A.* Yuman adult odontometrics. Cambridge; New York; Melbourne; Sydney, 1990.
22. *Аксянова Г.А., Гельдыева Г.* Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-запада Туркменистана // На путях биологической истории человечества. М., 2002. Т. 2. С. 5–55.